

**Федоров-Давыдов Александр
Александрович**

Сказки Кота-Баюна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Ф.**
Сказки Кота-Баюна / Федоров-Давыдов Александр Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 207 с.

ISBN 978-5-519-78861-8

ISBN 978-5-519-78861-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и начали отдѣлывать квартиру. Повѣсили дверь, сложили печку, внутри весь особнякъ начисто вылизали языками, выстелили мягкимъ мохомъ,— и вышло такое помѣщеніе, что просто чудо!..

Папа Пипъ былъ въ восторгѣ.

— Что, мать, а?.. Хорошо?..



— Хорошо-то, хорошо, а все-таки — лапоть, — капризничала Виль-виль, но и она была довольна...

— А все-таки — не сырая нѣра!.. — сказалъ папа Пипъ...

Перетаскали мышенятъ за шиворотъ въ новое помѣщеніе и зажили на славу...

Папа Пипъ цѣлые дни все о чемъ-то хлопоталъ и не зналъ устали. Очень ужъ онъ былъ доволенъ своей находкой. А работы было вволю: то дровъ наруби и домой привези, то за водой сбѣгай, то на промыселъ иди —

собирать зерна на полѣ, ягодки разныя, лѣсныя опавшія яблоки; то по дому что-нибудь устрой. И не видишь, какъ день идетъ. А къ вечеру уляжется мышъ на постельку, вытянетъ хвостикъ во всю длину,—и такъ хорошо, такъ радостно на сердцѣ станетъ...

— Вотъ оно, истинное-то мышиное счастье какое!..

II.

И лѣто прошло, и осень миновала,— зима наступила. Проснулись какъ-то утромъ мышъ,— а вокругъ все бѣло отъ снѣга — и такъ тихо, и такъ спокойно...

Затопила мама Виль-виль печку, — дымъ повалилъ изъ трубы, — хорошо стало въ барскомъ особнячкѣ... И вдругъ въ дверцу — «Тукъ-тукъ».

— Кто тамъ? — окликнулъ папа Пипъ, — не медвѣдь ли?—И подмигнулъ женѣ...

— Свои!.. — откликнулся кто-то за дверью.

— Войдите, пожалуйста!..

Оказывается, мышъ - странница. Издалека шла, запримѣтила дымокъ изъ трубы, — ну, и зашла.

— А хорошо это вы устроились,—говорить,— лучше и не надо!..

А сама такъ глазами и сверкаетъ, такъ носикомъ и поводитъ.

Папу Пипа точно кто за языкъ дернулъ. И пошелъ, и пошелъ хвастать,—свое привольное житъе расписывать. А мышъ захожая слушаетъ да на усъ мотаетъ.

— Все хорошо, — ввернула свое словечко мама Виль-виль,—да только вотъ—лапотъ это... Въ лаптѣ вѣдь живемъ...

Папа Пипъ только носикомъ вздернулъ.

— Гм... Лапотъ!.. А какой человѣкъ носилъ-то его!.. Это тоже знать надо!..

И пошелъ хвастать, что и человѣкъ этотъ необыкновенный: и лавку съѣстную имѣеть, и съ нимъ въ дружбѣ состоитъ...

А прохожая мышъ смекнула, въ чемъ дѣло, и говорить:

— А по-моему, лапотъ всегда лаптемъ останется, кто бы его ни носилъ... Мужичье происхожденіе... Все деревней отдаетъ... Нѣтъ, вотъ я въ городѣ жила... Ахъ, хорошо жила!.. Не лаптю вашему чета... Дома-то до небесъ, въ семь этажей,—живи въ любомъ... А помещеніе—все залы, да съ паркетными полами... И чисто, и свѣтло, и тепло, и нигдѣ не дуетъ. Намедни жила я въ одномъ домѣ, — такъ въ

бархатномъ диванѣ устроилась, въ углу... То-то тепло и уютно было. А главное — безопасно!.. Тутъ у васъ — что: идутъ и ѣдутъ мимо... Всякая звѣрюга мимо рыскаетъ да вашъ лапоть обнюхиваетъ. Ну, какъ на бѣду учуетъ васъ,—амъ, и съѣсть ни за что, ни про что!..

— Ну, и тамъ, вѣдь, не больно спокойно,—замѣтила Виль-виль:—вонъ кошки, говорятъ, заведены...

— Кошекъ въ хорошихъ домахъ нынче не держать,—это на кухнѣ больше, да и то только такъ, для виду; а обыкновенно кошки, извѣстное дѣло, на крышахъ живутъ!.. А ужъ насчетъ пропитанія,—такъ и говорить нечего! Саломъ хотъ давись, на мясо жареное и смотрѣть противно; изъ сыра мы тамъ себѣ бесѣдочки устраиваемъ... И все-таки съ людьми живемъ, а не со звѣрями въ лѣсу знаемъ!..

И пошла, и пошла расписывать... А Виль-виль вся замерла,—слушаетъ и оторваться не можетъ...

Въ концѣ концовъ, мышъ захожая и предложила:

— Давайте помѣняемся: мнѣ городской воздухъ вреденъ,—возьму я вашу дачу, а вамъ

въ обмѣнъ въ Москвѣ домъ семиэтажный отдамъ. Вотъ и адресъ...

— Да вѣдь онъ не вашъ, домъ-то, — разсердился папа Пипъ, — вѣдь вы его силой заняли?..

— А вы-то лапоть какъ же — купили что ли?..

Папа Пипъ и язычокъ прикусилъ. Тутъ мама Виль-виль вступилась и въ два слова дѣло покончила...

Конечно, они очень рады такому обмѣну. Въ городѣ жить — не то, что въ деревнѣ; завтра же они выбираются отсюда, и дѣло съ концомъ... Тѣмъ болѣе, что мышенята ихъ подросли и разбѣжались кто—куда, и ей съ мужемъ легко будетъ въ городъ перебраться...

III.

Уже потомъ только папа Пипъ сознавался мнѣ, что на него о ту пору словно туманъ какой напалъ, словно мышь-болтунья околдовала ихъ.

Съ большимъ трудомъ добрались они до города, — дома указаннаго не нашли и поселились въ первомъ попавшемся домѣ. И тутъ-то и началась для нихъ мука-мученическая.

Во-первыхъ, всякихъ мышей тамъ было ви-

димо-невидимо, и каждая считала себя хозяйкой этого дома и на всѣхъ покрикивала. Во-вторыхъ, выходовъ изъ подполья—разъ-два и обчелся; а коли хочешь вылѣзть на свѣтъ Божій,—сдѣлай милость,—прогрызай самъ и дерево, и штукатурку, и плинтусъ. Благодарю покорно.

Наконецъ, насчетъ ѣды—ой, ой, какъ туго!.. Сало подъ замкомъ, говядина на плитѣ, сыръ въ шкапу,—и все это берегутъ, какъ зеницу ока. Ветчина есть,—да и та въ мышеловку запрятана. А въ концѣ концовъ, куда ни сунься,—либо человѣчья нога, либо котъ живой... Какъ вылѣзешь изъ норки,—все время и дрожи. И въ норку уйдешь, — дрожать приходится...

Мама Виль-виль на первыхъ же порахъ котенку попалась. Хорошо, что котенокъ дуракъ былъ,—хотѣлъ поиграть съ ней: выпустилъ изъ лапъ, а Виль-виль и убѣжала. Все-таки царапинки остались. Потомъ папа Пипъ въ мышеловку угодила съ голоду. Тоже по случайности живъ остался: прутья перержавѣли, — онъ изъ мышеловки и выкарабкался...

Словомъ, бѣда за бѣдой... Ходи да оглядывайся... Наконецъ, блуждая ночью по кухнѣ, угодили мои мыши въ ведро съ водой, — чуть не утонули обѣ... Вернулись домой—мок-

ры-мокрёхоньки,—нахохлились, насупились, и у обѣихъ слезы на глазахъ.

— Вотъ мученье-то!.. — вздохнула Виль-виль,—да вѣдь это не жизнь, а каторга...

— Я, матушка,—угрюмо сказалъ Пипъ,—давно тебѣ объ этомъ сказывалъ, да ты меня о ту пору слушать не хотѣла... Вотъ оно моему и вышло... «Ахъ, лапоть!.. Ахъ, мужикомъ пахнетъ; ахъ, темно!..» Вотъ тутъ просторно и удобно, не правда ли?.. Нѣтъ ужъ, отъ добра добра не ищутъ!.. А я думаю лучше, вотъ что... Заберемъ-ка мы свои пожитки—да вонъ отсюда безъ оглядки... Дѣло-то лучше будетъ!.. Сами мы мыши деревенскія,—куда намъ по-господски жить?..

IV.

Той же ночью выбрались несчастныя мыши изъ подполья на дворъ,—тамъ порыскали, порыскали и набрели на собачью конуру. Подъ конурой было просторно и сухо. Тутъ онѣ и поселились; вырыли наскоро норку поглубже, натаскали въ нее мочалокъ, бумажекъ и устроились кое-какъ.

Мама Виль-виль стала такая тихая, покорная,—ни въ чемъ мужу не перечила; Пипъ все время ворчалъ, все издѣвался надъ ней:

— Вотъ, въ лаптѣ мужичьемъ плохо было,—теперь подъ собачьей конурой живемъ,—зато въ городѣ!.. Одно хорошо, что иногда у собаки корку утащить можно будетъ, да и кошка близко сюда не сунется...

Мама Виль-виль только молчала и тайкомъ утирала слезы. Папѣ Пипу, въ концѣ концовъ, даже стало жаль ее, и онъ сдерживалъ себя иногда, чтобы ея не разстраивать.

Какъ-то разъ посчастливилось папѣ Пипу раздобыть большой кусокъ сыру на дворѣ. Съ торжествомъ притащилъ онъ его въ норку, подъ конуру,—и начался тутъ пиръ-горой... Въ первый разъ обѣ мыши пришли въ хорошее настроеніе духа, и папа Пипъ, философски махнувъ на все прошлое лапкой, весело сказалъ:

— Хорошо, мать, на свѣтѣ жить!.. Все-таки хорошо!.. Ну, глупость мы съ тобой сдѣлали,—вѣрно. Такъ нельзя же вѣки-вѣчные о томъ горевать,—это—значить вторую глупость къ первой добавлять... Было бы на сердцѣ спокойно, а то и вездѣ хорошо будетъ!..

И мама Виль-виль радостно улынулась и сказала:

— Ахъ, ты, мой славный, хорошій Пипъ!..





Отходчивое == сердце. ==

I.

ОСЕНЬ прихо-
дила къ концу,—бли-
зилась холодная.
сердитая зима; но

воробей Чирчилъ не унывалъ. Онъ отъѣлся за
лѣто и осень, и настроеніе у него было бод-
рое... А чего тосковать? Проживемъ не хуже
другихъ. Только зѣвать не надо, да съ другими
нѣ стѣсняться,—и отлично будетъ...

Воробей вообще былъ отчаянный: первый
задира изъ всѣхъ воробьевъ, дерзкій,—всюду
впереди всѣхъ лѣзетъ. Воробыха Чарся сна-
чала только дивилась на него и радовалась:

— Ахъ, какой храбрый воробей!.. Такихъ
я и не видывала!..

А потомъ ужъ ей и неловко бывало за не-
го, и совѣстно. Ну, что, право,—со всѣми ссо-
рится; чуть что не по немъ—въ драку бро-

сается. Всѣ косятся на него, бранятъ его, — рады со свѣта сжить. Ну, что хорошаго?

Сама Чарся была такая тихая, робкая, и всегда молча страдала изъ-за воробья Чирчила.

Воробей зналъ все село, всѣхъ мужиковъ, какъ свои пять пальцевъ, а особенно — ребяташекъ, отъ которыхъ ему иногда лихо доставалось, — и всюду былъ, какъ дома...

Въ любую избу залетить, кусочекъ хлѣба вытащить и знать ничего не хочетъ... Гдѣ куръ кормить стануть, — онъ ужъ тутъ, какъ тутъ. Ворвется къ нимъ.

— Позвольте, позвольте, пропустите, — трещить, а самъ хватаетъ кормъ направо и налево...

Замѣтитъ у кого изъ своихъ добычу въ клювѣ, — налетитъ орломъ, — начнетъ трепать: тотъ растеряется, выпуститъ добычу, а Чирчилъ подхватитъ и улетитъ...

Его бранятъ, ему грозятся, — а воробью и горя мало...

— Да вѣдь ты обидѣлъ его!.. — горячится, бывало, Чарся.

— А чего онъ зѣвалъ? А мнѣ что? Былъ бы у меня самого зобъ набить, — а до остальныхъ мнѣ дѣла нѣтъ...